

детской книги было создано татарскими авторами, 82% – это переводы с русской литературы. Таким образом, значение русской переводной книги в становлении и развитии политико-воспитательного направления в татарском детском книгоиздании огромно. Это, прежде всего, произведения таких авторов, как М.Прилежаева, В.Сутырин, Е.Вечтомова, З.Воскресенская, Н.Венгров, Ю.Герман, Л.Савельев, А.Голубева, А.Ульянова, М.Ильин и др. Среди татарских авторов – Г.Мохтар, Р.Дамин, Г.Лотфи, Х.Хисматуллин, Н.Асманов, Н.Булатов, М.Уразмухаммедов, Хисматуллин, М.Сундекле.

Издания политико-воспитательной книги для татарских детей выпускались как в виде сборников (тематических), так и отдельными изданиями отдельных произведений.

Характеризуя тематический и жанровый состав татарской детской политико-воспитательной книги, следует отметить, что в ее развитии не наблюдается значительных отклонений от тенденций развития российской книги этого направления. Как и российская, татарская политико-воспитательная книга выполняла все возложенные на нее идеологические функции формирования гражданского самосознания, опираясь как на российский опыт, так и на национальную историю и культуру.

Литература

1. Ф.7083.Союз советских писателей ТАССР. – Оп.1. – Д.313.
2. Карайченцева С.А. Книговедение: литературно-художественная и детская книга. Издания по филологии и искусству: учебник для вузов/ Моск.гос.ун-т печати.–М.,2004.– 424с.
3. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898-1970/ИМЛ при ЦК КПСС.–8-е изд., доп. и испр. –М.: Политиздат, 1970-1982.
4. О партийной и советской печати: сб. док.– М.:Правда,1954.
5. Павлова И.Ф. Становление и развитие удмуртской детской книги (1847-1841 гг.): дис....канд. пед. наук/КГУКИ.–Казань, 2008.– 336с.

УДК 27-472.008.37(092)

Л.Н.Бродовская, В.В.Буравлева

ОБРАЗ ИЛЬМИНСКОГО В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

В статье показана роль системы Ильминского в достижении сближения народов Волго-Уральского региона, раскрыты основные принципы этнопедагогической системы Ильминского как миссионерско-просветительной по своей интенциональности. Выявлено значение Казанской крещено-татарской школы, как паттерна педагогических практик Ильминского среди других этносов региона. Также обоснован вывод о противоречивом характере наследия Ильминского.

Ключевые слова: нерусские народы; просвещение; Н.И.Ильминский; межкультурный диалог; Волго-Уральский регион.

L.N.Brodovskaya, V.V.Buravleva IMAGE ILMINSKY'S IN THE CULTURAL MEMORY OF THE PEOPLES OF VOLGA AND URAL REGIONS

The article shows the role of the system Ilminsky's in achieving rapprochement between peoples of the Volga-Ural region covers the main principles of ethno-pedagogical system Ilminsky's as missionary-educational in its intentionality. The study shows the significance of the Kazan baptized-Tatar school, as the pattern of pedagogical practices Ilminsky's among other ethnic groups in the region. Also the conclusion about the controversial nature of heritage Ilminsky's.

Key words: non-Russian peoples; education; N.I. Ilminsky; intercultural dialogue; the Volga-Urals region.

Конец XX-начало XXI века характеризуется повышенным интересом ученых (российских и зарубежных) как к проблеме этноконфессиональных взаимоотношений в целом, так и к проблеме русификации и ассимиляции, в частности. В западной историографии появилась «новая» история, которая в противовес «старой» доказывала, что Россия не являлась «тюрьмой народов» и официальная Россия не ставила перед собой цель «переплавить» всех «инородцев» в русских. Кроме того, авторы обратили внимание на тот факт, что в Российской империи существовала тесная связь между вероисповеданием и этничностью, так как государство классифицировало своих подданных по конфессиональному, а не по национальному признаку, поэтому изучение «национального» вопроса невозможно без конфессиональной составляющей. Пол Верт, рассматривая результаты христианизации, отмечает, что этот процесс не ограничивался только миссионерской деятельностью [1]. Христианизация подразумевала и просветительскую сторону. Роберт Джераси рассматривает соревнование мусульманского и православного проектов в Поволжье на примере системы школ для инородцев, созданной Ильминским и подчеркивает, что содержание таких понятий, как «христианизация», «ассимиляция» и «русификация» нуждается в уточнении [4].

Эти же проблемы волновали и российских ученых, в связи с чем, в российских регионах вышел целый ряд работ по данной проблематике, в которых уже по-новому были поставлены проблемы

образования «инородцев» в дореволюционной России. А.Н.Павлова рассмотрела деятельность Ильминского по разработке основных положений системы просвещения, утверждение ее на государственном уровне и проблемы реализации [12]. Л.А.Ефимов показал процесс просвещения инородцев России с двуязычным обучением и подготовки национальных педагогических кадров, раскрыл результаты практической деятельности чувашских просветителей в подъеме культуры чувашского народа [5]. Исследователи Казанской школы востоковедения XIX-первой половины XX вв. М.З.Хабибуллин и М.А.Кострюков показали вклад Ильминского в развитие востоковедения и исламоведения [17]. Комплексное изучение миссионерско-просветительской системы Ильминского было предпринято священником А. С. Колчериным [10].

Следует также отметить, что в изученной авторами литературе система Ильминского рассматривалась как «чисто» педагогическая или «чисто» «русификаторская», но она не рассматривалась как одна из предпосылок создания условий межкультурного диалога в Волго-Уральском регионе.

Н.И.Ильминский – педагог-реформатор начал свою педагогическую деятельность в качестве преподавателя мусульманского богословия и права миссионерского отделения Казанской духовной академии. Но впервые в качестве миссионера-практика он пробует себя в Оренбурге, где вместе с известным казахским просветителем Ибраем Алтынсариним организует учебные заведения для казахов, обучение в которых велось на родном языке. После возвращения в Казань Ильминский занимает место профессора кафедры турецко-татарского языка в Казанском Императорском университете, но уже в начале 70-х годов XIX века завершает преподавательскую деятельность и все свои усилия сосредотачивает на миссионерско-просветительской деятельности [10].

В миссионерском деле обычно выделяют два основных направления: «жесткий», «силовой», и «мягкий», просветительский. Второе направление связано с именем, прежде всего Ильминского, выдвинувшего оригинальные миссионерские и просветительские идеи с учетом опыта своих предшественников. До Ильминского приходское духовенство не было готово к исполнению миссионерских обязанностей: они не имели соответствующей подготовки, большинство из них не знало ни языка, ни обычаев своих прихожан-«инородцев», а те, в свою очередь, видели в священниках не духовных пастырей, а государственных чиновников. Ильминский понимал, какую роль могут и должны сыграть русские миссионеры в системе межэтнических и межкультурных взаимодействий, и какое влияние они могут оказать на формирование симпатий нерусского населения к русскому народу. Миссионер (у Ильминского) должен знать язык народа, его историю, культуру, традиции, в идеале миссионерами должны были стать выходцы из самих малых народов, получившие образование и знавшие основы православной веры. Особое значение придавалось знанию «местных инородческих языков» не только учителями и церковнослужителями, но и русским населением. Будущих миссионеров – священников и учителей – он призывал не прельщаться деньгами, трудиться не ради наград и почестей. По его мнению, успеху православной миссии должно способствовать: создание переводов Священного Писания, литургических текстов, молитв, святоотеческой и духовной литературы; богослужение на языках малых народов; церковная проповедь и пояснение основ православной веры на языках малых народов; взвешенная противомусульманская и противоязыческая полемика.

Система просвещения нерусских народов России до середины XIX века не давала желаемых результатов из-за того, что система образования, применявшаяся в русских школах, механически переносилась на школы, в которых обучались представители нерусских народов. Ильминский одним из первых осознал значение родного языка в системе образования «инородцев». Он не только разработал оригинальную систему христианского просвещения нерусских народов, в основе которой лежала концепция единства школы и церкви, но и понял, что центром притяжения симпатий нерусского населения к русской православной культуре должна стать школа. Школьное образование на родном языке учащихся будет способствовать духовному подъему нерусских народов и их сближению с русскими [9]. Учителями в школах должны быть люди той же национальности, что и ученики, при этом учителя должны быть не только искренне верующими, но и получить педагогическое образование перед вступлением в должность. По системе Ильминского, школьное обучение должно производиться на родном для учащихся языке до того времени, пока они не усвоят русский язык в должной степени; русский язык изучается как один из предметов школьной программы. По окончании второго года обучения ученики должны знать русский язык на таком уровне, чтобы на нем продолжить образование. Наряду с мальчиками в школах могут учиться и девочки, учителями также могут становиться не только юноши, получившие педагогическое образование, но и девушки-учительницы [10]. В школах системы Ильминского также не было наказаний. Система Ильминского была официально признана после утверждения Правительствующим Сенатом 26 марта 1870 года в виде Правил «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» и рекомендована к внедрению.

Становление и утверждение миссионерско-просветительской системы Ильминского происходило в ожесточенных баталиях. «Консерваторы-силовики» под напором общественного мнения вынуждены были согласиться с просветительскими методами, но они категорически были против использования родного языка в национальных школах и в церкви и обвиняли Ильминского, его соратников и учеников в насаждении сепаратизма и национализма.

Первым учебным учреждением системы Ильминского стала Казанская центральная крещено-татарская школа. Материальное обеспечение школы, разработка учебных программ и пособий, получение разрешений на образовательную деятельность взял на себя Ильминский, а практическое руководство школой было возложено на Тимофеева. Это было частное учебное заведение, обучение в нем было бесплатным, родители обеспечивали учеников питанием и одеждой. В этой школе педагогическая система прошла свою апробацию и продемонстрировала результаты, превзошедшие все ожидания [8]. Воспитанники показывали стабильно высокие результаты как в первые годы после открытия школы, так и через многие десятилетия работы. Дети быстро усваивали школьную программу и учили русский язык, который стал языком межэтнического общения.

Кряшенская казанская школа стала образцом для других школ этой системы для кряшенского, чувашского, марийского, удмуртского, мордовского народов, которые унаследовали от нее не только программы и пособия, но и бытовые условия и даже образ взаимоотношений учителя и учеников. Школы открывались как филиалы казанской, учителями в них становились выпускники школы Василия Тимофеева. Вскоре преподавание по этой системе стали перенимать школы земств и Министерства народного просвещения.

В 1872 году была открыта Казанская инородческая учительская семинария. В своем выступлении на торжественном открытии Н.И.Ильминский, инициатор ее создания и первый директор, отметил, что «...ближайшей целью (является) – приготовление учителей в русские и инородческие сельские народные училища, а отдаленною и общею с начальными инородческими школами – прочное сближение инородцев с коренным русским населением путем просвещения» [7, с. 45].

В государственной системе «инородческого» образования ситуация была иной. В 70-е годы XIX века начали создаваться трехгодичные русско-татарские училища, а в 1876 г. были открыты четырехлетние татарские учительские школы – в Казани, Симферополе, несколько позже – в Оренбурге. Здесь готовили учителей из татар для инородческих начальных школ Поволжья, Приуралья, Крыма и Средней Азии. Многие представители тюрко-татарской интеллигенции получили образование в Казанской учительской школе. Но и она не избежала русификаторской ориентации и Ш.Марджани, входивший в попечительский совет школы и в течение 9 лет преподававший там вероучение, был вынужден покинуть КТУШ. Причина конфликта – в школу стали принимать учеников русско-татарских училищ, не связанных с татарской культурой [2, с.172].

Наиболее сложными для восприятия мусульман оказались вопросы, связанные с изучением русского языка в мусульманских школах и возможностью обучения у иноверцев в принципе. Просветители понимали, что изучение русского языка наиболее простой способ приобщения к научным знаниям. Однако сложившиеся стереотипы, связанные с насильственной христианизацией, мешали преодолению психологических барьеров. Поэтому, Ш.Марджани, начиная школьную реформу, должен был учитывать не только религиозные нормы, но и общественное мнение. Х.Фаизханов подчеркивал просветительскую целесообразность изучения русского языка: «чтение русскоязычных книг ...станут причиной прогресса миллионов мусульман»; возможность перевода книг на татарский язык; «русский язык нужен также для того, чтобы понимать все запреты и предписания властей, чтобы добиваться справедливости в судах» [3, с.199-200].

Православная миссия после кончины Ильминского не развивалась, так как у него не оказалось достойного преемника (ни с точки зрения образованности, ни с точки зрения личного влияния), способного продвигать его миссионерские и просветительские идеи. Против данной миссионерско-просветительской системы выступила часть православного епископата и священства, настаивавшего на прекращении практики совершения богослужений на языках малых народов и рукоположения их представителей в священный сан без получения духовного образования.

Отношение к переводной христианской литературе и богослужению на родном языке было также неоднозначным. Русское духовенство, за редким исключением, к переводным текстам не обращалось, считая их бесполезными и даже вредными для церкви и православия. Священнослужители из нерусских народов также критически отзывались как по поводу качества переводов, так и по поводу «инородческого» богослужения. Были и нерусские христиане, считавшие, что к «русскому богу» могут доходить молитвы только на русском языке [14].

Сразу же после смерти Ильминского началась «борьба» за его наследие. Это было связано с тем, что в официальных документах и изданиях Ильминский соглашался, что целью христианского просвещения должно быть приобщение малых народов к русскому языку и культуре, однако, своим ближайшим соратникам он говорил, что язык, культура, традиции каждого народа должны быть сохранены [6]. Единение народов России, по его мнению, должно осуществляться в православной вере, поэтому главную цель своей деятельности он видел в христианизации малых народов. Последователи основателя системы в его защиту начали публиковать его же работы и переписку, так как в своих сочинениях и письмах Ильминский уже ответил на все претензии в адрес своей системы, подробно объяснил каждый ее пункт [9].

Однозначной оценки деятельности просветителя и его системы не дано до сих пор. Мусульмане Волго-Уральского региона критикуют систему Ильминского за то, что она способствовала расколу татарского этноса по конфессиональному принципу. Приверженцы традиционных верований обвиняют Н.И.Ильминского и его соратников в разрушении традиционной религии, национальной культуры языческих народов. Русские патриоты обвиняют Н.И.Ильминского в порождении сепаратизма и антирусского национализма.

Столь же широк разброс мнений и в литературе. Одни считают, что благодаря миссионерской и просветительской деятельности Ильминского сохранился народ кряшены, которому грозило слияние с татарской нацией и потеря самобытности, языка, культурных традиций [16]. Если бы не было системы Ильминского, иными были бы литературные языки народов Поволжья и Урала, иной была бы литература [11].

Другие подчеркивают, что Ильминский был человеком своей эпохи, истинным патриотом России, ревнителем русской духовности, русской государственности. Он действовал в рамках идеологии, моральных, нравственных и этических норм своего времени ради прогресса всех российских народов, на который, у него был свой взгляд [14]. Обрусение крещеных народов Ильминский воспринимал как духовное единение на основе православной общности и рассматривал его как неизбежный и прогрессивный процесс [8].

Третьи ставят его в один ряд с основателем научной педагогики в России К.Д.Ушинским. При этом подчеркивается, что Ушинский предложил «принцип народности как основное требование построения системы русского образования», а Ильминский разработал и реализовал «системный подход к образованию народностей России, вариантности народной школы» [13].

Четвертые считают, что русским востоковедам, в том числе и Ильминскому, удалось избежать «колониального высокомерия» в отношении восточных народов и культур, используя «национальные кадры» [15].

Для России диалог культур это способ выживания страны, снятия межнациональной напряженности, а также способ консолидации общества, так как только диалог равных способен обеспечить сохранение и развитие культурного многообразия (о чем свидетельствует и опыт Ильминского). Диалог культур необходим в условиях глобализации и связанных с этим проблем. Но для взаимопонимания и ведения диалога недостаточно только доброй воли, необходима культурная грамотность, которая включает в себя осознание различий в обычаях и культурных традициях, способность взглянуть на собственную культуру глазами других народов. И усилия таких людей, как Н.И. Ильминский, во многом способствовали не только повышению культурного уровня населения, но и прогрессу в межкультурном общении.

Литература

1. Werth Paul William. At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance, and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827-1905. Cornell: University Press, 2002. 275p.
2. Гафаров А.А., Бродовская Л.Н., Буравлева В.В. Проблемы «инородческого» образования мусульман в Российской империи (XIX-начало XX вв.) //Образование и саморазвитие. 2012. №4(32). С.171-176.
3. Гафаров А.А., Бродовская Л.Н. Проблемы модернизации мусульманской конфессиональной школы в России во второй половине XIX – начале XX вв. //Образование и саморазвитие. 2012. №6(34). С.198-203.
4. Geraci Robert P. Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Cornell: University Press, 2005. 389p.
5. Ефимов Л.А. Системы просвещения нерусских народов и чувашские школы Поволжья и Приуралья последней трети XIX - начале XX века. Чебоксары: Издательство Чувашского университета, 2000. 258с.
6. Ильминский Н.И. Беседы о народной школе. Казань: Типография императорского университета, 1888. 42 с.
7. Ильминский Н.И. Избранные места из педагогических сочинений, некоторые сведения о его деятельности и о последних днях его жизни /Н.И.Ильминский. Казань: Типография императорского университета, 1892. 133с.
8. Ильминский Н.И. Казанская центральная крещено-татарская школа: Материалы для истории христианского просвещения крещеных татар / Репр. воспр. текста изд. 1887 г. Казань: ООО «Астория и К», 2011. 485с.

9. Ильминский И.Н. (1885). Система народного и в частности инородческого образования в Казанском крае. Санкт-Петербург: Синодальная типография. 55с.
10. Колчерин А.С. Христианизация народов Поволжья. Н. И. Ильминский и православная миссия. Москва: РИСИ, 2014. 719с.
11. Павлов П. О прогрессивной роли инородческих школ // Ислам и христианство в диалоге культур на рубеже тысячелетий. Казань: Издательский центр «Арт-кафе», 2001. С.187-193.
12. Павлова А.Н. Система Н.И. Ильминского и ее реализация в школьном образовании нерусских народов Востока России. Чебоксары: Издательство Чувашского университета, 2004. 203с.
13. Сковородкина И.З. Этнопедагогический подход к образованию народов России: история, теория, практика. Москва: ИТИП РАО, 2008. 163с.
14. Таймасов Л.А. Христианское просвещение нерусских народов и этноконфессиональные процессы в Среднем Поволжье в последней четверти XVIII – начале XX века: дис. ... д-р ист. наук. Чебоксары, 2004. 502с.
15. Tolz V. Russia's Own Orient: The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet Periods. Oxford, 2012. 203p.
16. Фокин А.В. Интервью. Электронный ресурс: http://ruskline.ru/analitika/2012/08/30/nikolaj_ilminskij_razvenchanie_mifov/. (дата обращения: 20.01.2016).
17. Хабибуллин М. З., Кострюков М.А. Казанское востоковедение XIX - первой половины XX вв.: П. К. Жузе. Казань: Издательство «ЯЗ», 2012. 311с.

УДК 37.032

Л.В.Карцева

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СЕМЕЙНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

В статье рассматривается зависимость сохранения семьи от социальных и психологических факторов семейного благополучия, роль институтов гражданского общества в сохранении и поддержании авторитета семьи, проявления удовлетворённости членством в семье.

Ключевые слова: семья, семейное благополучие, межличностные отношения, семейное счастье, удовлетворённость членством в семье.

L.V.Kartseva SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL FACTORS OF FAMILY WELL-BEING

The article presents the dependence of family preservation on social and psychological factors of family well-being, the role of civic institutions in preservation and maintenance of family authority, manifestations of satisfaction with family membership.

Key words: family, family well-being, interpersonal relationships, family happiness, satisfaction with family membership

В современном обществе недооценивается понятие семейного благополучия. Привычно обсуждаются темы высокой доли разводов, малодетности, «материнского» капитала, появилась тема отцовства, зарождается движение прародителей, но о природе и модели благополучной семьи у учёных и политиков речь не идёт.

Что понимать под семейным благополучием, вопрос не праздный. Исследователи, политики называют разные критерии благополучной семьи.

Так, российское государство в момент критический в плане демографического состояния страны выбирает в качестве генеральной стратегии опеки института семьи поддержку рождаемости и усложнение процедуры развода. О глубоком понимании благополучия матерей и отцов не говорится. Между тем одинокая многодетная мать – это нонсенс, одинокий многодетный отец – глубоко несчастливый человек, неразведённые конфликтующие супруги – эмоциональный нерв в процессе семейного воспитания.

Национальные республики России ориентируются на развитие религиозной идеологии вкупе с национальной как панацеи от разрушения традиционных семейных норм. Однако религиозная идеология не отвечает потребностям современной молодёжи, оказывается препятствием в реализации её социальных интересов и индивидуальных потребностей, в том числе и в рамках семьи.

Политические объединения – партии, движения в защиту семьи выдвигают аргументацию, построенную на усилении линии патриотизма, укрепления памяти Рода, уважения к предкам. В частности, стихийно возникшее уникальное явление в истории России «Бессмертный полк», связанное с памятью великого военного прошлого нашей Родины, всемерно поддерживается политическими лидерами и обретает организованный характер. Но внимание к семье у политиков носит эпизодический характер и тесно связано с календарными датами и событиями, посвящёнными семейным праздникам. Кстати, объявленный Государственной Думой в третье воскресенье октября День отца